

УДК 81.282.3

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.23-35

ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОЙ ПОЭТИКИ ЗАГЛАВИЯ РАССКАЗА «ИСТРЕБЛЕНИЕ ТИРАНОВ» В.В. НАБОКОВА

Г.Ю. Мальцева

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, 308015, Россия*

Аннотация

В статье речь идет о заглавии как о свернутой лингвокогнитивной характеристике текста и как о пространственно фиксируемом структурном элементе – «раме». Заглавие несет особое пресуппозиционное знание. В контексте лингвокультурологической научной парадигмы заголовок может быть рассмотрен как особый текст культуры, отражающий мировидение автора и языковую картину мира народа в целом. Кроме того, заголовок может быть осмыслен как объект когнитивной лингвистики (когнитивистики), изучающей познание человеком окружающего мира, осуществляемое с помощью языка. Заглавие – важный маркер идиолекта писателя. Специфика набокковского заглавия определяется его игровой направленностью. Обладая этой особой, свойственной модернистскому и постмодернистскому дискурсам, функцией, заглавие способствует установлению особых игровых взаимоотношений между текстом и читателем. На примере рассказа «Истребление тиранов» доказывается, что заголовок в игровом тексте может выступать как компонент игры, занимающий сильную позицию и содержащий в себе ключи к декодированию текста. Заглавие рассказа рассматривается как иконический знак. Синтактика заглавия в сочетании с его семантикой и прагматикой позволяют выразить целое философское мировоззрение в минимальном языковом материале.

Ключевые слова: игровая поэтика, заглавие, иконический знак, семантика, синтактика, прагматика

В современной лингвистике текста важное место занимает изучение его значимых структурных элементов, которые несут особое пресуппозиционное знание. Это самодостаточные, не в полной мере обусловленные контекстом единицы, которые принято называть автосемантическими, в отличие от связанных – синсемантических. Именно к таким структурным элементам, наряду с эпиграфом и прецедентными текстами различного рода, относится и заглавие. Двойственность заглавия – с одной стороны, его автосеманτικότητα, самостоятельность как информативной текстовой единицы, с другой стороны, его включенность в текст – и привлекает внимание исследователей.

Соглашаясь с мнением И.И. Чумак-Жунь о том, что «для всестороннего осмысления языка того или иного поэтического целого недостаточно знать отдельные конструктивные элементы текста – необходимо определить их место в художественно-речевой системе всего поэтического речемыслительного кон-

тинуума» [1, с. 7], мы распространяем эту мысль на художественный текст в целом: как поэтический, так и прозаический. Заглавие как конструктивный элемент текста требует, таким образом, анализа, опосредованного включенностью в речемыслительный континуум.

В работах по изучению заглавия художественного произведения, выполненных учеными-лингвистами, главным стало решение таких задач, как выявление грамматического статуса заглавия и определение его основных функций.

Уже А.М. Пешковский в своей классической работе «Русский синтаксис в научном освещении» (1914) определял особую роль заглавия. Он отмечал значимость заголовка для восприятия читателем. В заглавии А.М. Пешковский видел «намеки» на «содержание или даже сжатое выражение его». Исследователь приводит нас к мысли, что заглавие книги «есть нечто большее, чем название» [2, с. 46].

Небольшая по объему работа С.Д. Кржижановского является академическим изданием, в котором широко исследуется один аспект заглавия – его поэтика. Написанная еще в 30-х гг. прошлого века, «Поэтика заглавия» представляет собой ценность прежде всего потому, что в ней рассматриваются самые важные, ключевые моменты, касающиеся природы заголовка, причем заголовок и текст анализируются в единстве цельного комплекса. Кроме того, «заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облегает текст и смысл, – вправе выдавать себя за **главное** книги» [3 с. 3].

Заголовок занимает в отношении текста главенствующую, но вторичную роль, так как, по мнению С.Д. Кржижановского, «первоначально заглавный лист безыменен» [3, с. 11], заглавие оформляется в процессе писания и завершает свой образ, когда книга уже написана. Книга, по мнению исследователя, эволюционирует, усложняя заглавие дополнительными смыслами.

С.Д. Кржижановский впервые обращает внимание на превращение «старых просторных и ветвистых заглавий» [3, с. 29] в короткие, лапидарные, так как, по мнению исследователя, «современные рукописи досылаются до глаз читателя лишь при условии *малословия* (курсив наш. – Г.М.)» [3, с. 30]. Семиотичность современного заглавия предугадана автором: «Мы требуем часа, сплюсненного в секунду; короткой фразы вместо периода; слова вместо фразы; знака вместо слова» [3, с. 30].

Точкой роста интереса к заглавию как важной категории, учитываемой при анализе художественного текста, стали 1960-е гг., отмеченные проявлением системного подхода в филологии. Справедливости ради следует заметить, что первые работы, посвященные заглавию, появились уже в первой половине XX в., однако их разрозненность и несвязанность с основными направлениями науки того времени привели к тому, что работы остались незамеченными.

Как предпосылку к другому способу исследования текста, его заголовка, а именно, к комплексному подходу к нему, сделавшему возможным применить к тексту и литературоведческие, и лингвистические методы исследования, можно рассматривать работу И.В. Арнольд «Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста». В статье отмечается, что «отношения, которые принято называть тропами, функционируют не только в микроконтексте, но и в заглавиях, а через заглавие и на уровне образов, сюжета и текста в целом. Это свойство заглавий представляется очень существенным, так как оно подтверждает необхо-

димность интерпретации художественного текста как целостной связной структуры и требует объединения усилий лингвистов и литературоведов» [4, с. 25].

Таким образом, в середине XX в., ознаменованного использованием системного подхода к интерпретации текста, заглавие рассматривается как отдельный элемент структуры произведения. В современной лингвистике выделяются два основных метода в изучении заглавия, правомерность которых доказана множеством научных исследований: заглавие рассматривается как единица текста и как относительно самостоятельное информативное образование.

В.А. Лукин считает, что «семантика заголовка обладает тенденцией к расширению, к тому, чтобы вместить содержание целого текста» [5, с. 61].

Опираясь на мнение И.Р. Гальперина о том, что заглавие текста определяет «основной замысел, идею, концепт создателя текста» [6, с. 133], можно утверждать, что заглавие в лингвистическом ключе является именем текста, названием. Оно делает текст индивидуальным, выделяет его среди других.

Словарь С.И. Ожегова характеризует заглавие следующим образом: «ЗАГЛАВИЕ, -я, ср. Название какого-н. произведения (литературного или музыкального) или отдельных его частей» (Ож., с. 173). Название – «словесное обозначение вещи, явления» (Ож., с. 432).

Несмотря на взаимные лексикографические отсылки, возможна дифференциация понятий *заглавие* и *название*, исходя из внутренней формы. Заглавие – это, прежде всего, прерогатива авторская. Автор – создатель, творец, скульптор тела-текста, он подбирает достойную тела голову-заглавие, которая в универсальном виде отражает сущность текста. Лексема *название*, скорее, представляет заголовок как прерогативу читателя. *Название* – ‘называние’ – зов, на который в памяти быстро откликается и разворачивается в цельный текст произведение.

В этой связи особенный интерес для нашего исследования представляет введенное Ю.М. Лотманом понятие рамки: «Рамка литературного произведения состоит из двух элементов: начала и конца. <...> Текст обращен не к концу, а к началу. Основной вопрос – не “чем кончилось”, а откуда “повелось”» [7, с. 268–269].

Данная трактовка легла в основу устоявшейся в современной филологии традиции определения заглавия и других пограничных элементов текста как его рамы (*рама, рамка, рамочные элементы*).

Определение заглавия как рамы, то есть его пространственная характеристика (находится *вокруг/перед/за текстом*), акцентирует внимание на важности позиции заглавия при изучении текста в дискурсе писателя. Являясь пограничным предтекстовым или внеположенным тексту элементом, заглавие связует и одновременно отделяет данный текст от других текстов, является той квинтэссенцией текстового смысла, которая должна остаться в памяти читателя, в определенном момент разворачиваясь в целый текст. Кроме того, заглавие – граница, которая отделяет тексты друг от друга, и, не минуя которую тексты входят в тексты, то есть заглавие является важным звеном понятия интертекстуальности, введенным в дискуртологию Ю. Кристевой [8, с. 429].

Обобщая опыт ранее вышедших научных исследований функций заглавия, Н.А. Веселова выделяет как преимущественные пять из них:

1) номинативная, так как заглавие в первую очередь призвано называть текст. Эта функция объединяет воедино все заглавия всех существующих текстов;

2) информативная (коммуникативная). Универсальная функция заглавия, которое предваряет последующую коммуникацию (включает в дискурс) и сообщает читателю информацию о тексте;

3) разделительная, так как заглавие «отделяет» текст от других пространственно-временных объектов;

4) экспрессивно-апеллятивная. Заглавие эмоционально готовит читателя к предстоящему прочтению текста, а также задает «тональность» авторской позиции;

5) рекламная. Как рамочный первоочередной элемент заглавие призвано вызвать интерес читателя, привлечь внимание. В современном конкурентоспособном мире рекламная функция очень развита и занимает едва ли не главенствующую роль в книгоиздании [9, с. 13].

Выполняя все вышеперечисленные функции, заглавие в набоковском дискурсе обладает еще одной, свойственной модернистскому и постмодернистскому дискурсам функцией – игровой. А. Люксембург, автор теории игровой поэтики, набоковед, выделяет в творчестве писателя такие проявления игры, как каламбуризация, аллюзии, «изысканная языковая игра», «мультиязычная игра» [10, с. 14].

Г.Д. Рахимкулова дает такое определение игровой поэтике текста: «Игровая поэтика – это категория, имеющая отношение к игровому тексту. Под игровым текстом имеется в виду такой художественный текст, главной задачей которого является установление особых, игровых взаимоотношений между читателем и текстом» [11, с. 35].

Определяемое как сильная позиция текста, как знак текста [5, с. 85–86], заглавие вступает в игровые отношения с читателем, выполняя функцию «ключа» к игровому тексту. В.А. Лукин отмечает, что заголовок «после прочтения» текста «в концентрированном виде сообщает информацию о содержании текста». В такой позиции заглавие как знак «может приобрести свойства иконического» [5, с. 60].

Один из ярких примеров заглавия, выступающего как иконический знак, – заглавие рассказа В.В. Набокова «Истребление тиранов». В нашем исследовании мы осуществляем попытку анализа текстовых отражений заглавия на лексическом и грамматическом уровнях, сопоставления заглавия и текста, заглавия и интертекста. Придерживаясь пирсовой трихотомии знаков (иконы, индексы и символы) [12] и учения о знаке Ч. Морриса [13], который развил идеи Ч. Пирса, мы рассматриваем заглавие как «послетекст», который, вбирая в себя в процессе чтения дополнительные (декодирующие его) значения, проявляет себя как иконический знак, то есть копирует текстовые смыслы (икона в работах Ч. Пирса – «знак, отсылающий к объекту, который он денотирует» [12, с. 58]).

Поэтика художественных текстов В.В. Набокова зиждется на следующих важных составляющих.

1. Тон/тональность/колорит. Обладавший «цветным слухом», привитым ему высокообразованной аристократической матерью, В.В. Набоков перенес свою особенность в тексты, сделав тон текста важной, основной его категорией. При этом речь не идет о перечислении цветообозначений в дискурсе писателя. Это особый, едва уловимый, почти инстинктивный «цвет», составленный из древних,

забытых значений, заложенных в самом слове, каким-то образом ощущаемый, переживаемый писателем-синестетом.

2. Стиль и структура. В.В. Набоков отмечал, что «красота произведения искусства по-настоящему воспринимается, только когда понятно его устройство, когда можешь разобрать его механизм» [14, с. 48]. В примечаниях к «Лекциям по зарубежной литературе» отмечено, что В.В. Набоков понимал структуру как «композицию книги», а стиль для писателя – «это манера автора, его особая индивидуальная интонация, его словарь...» [14, с. 53].

3. Гармония. Это свойство, охватывающее предыдущие, является выразителем совершенства художественного произведения, его важной эстетической приметой. Гармония текста воплощается в равновесии формы и содержания, в симметрии, в особом порядке составляющих текст элементов.

4. Вслед за А. Люксембургом [10] мы выделяем еще одну функцию, характерную для творчества В.В. Набокова, – игровую. Мировоззрению писателя присущи такие философемы, как «жизнь-игра», «жизнь-театр», мир его художественных произведений наполнен декорациями, людьми-манекенами, атрибутами цирка и театра. Мы разделяем мнение Г.Ф. Рахимкуловой, что «формальные свойства игрового текста в целом существеннее содержательных, так как именно его игровые ресурсы обуславливают эстетическое наслаждение читателя» [11, с. 14].

На примере конкретного заглавия («Истребление тиранов») мы хотим продемонстрировать, как синтактика заглавия в сочетании с его семантикой и прагматикой позволяют «упаковать» целое философское мировоззрение в минимальный языковой материал. Заглавие, проявляющее себя как иконический знак, становится компонентом игрового текста, заставляет читателя вновь обращаться к прочитанному в целях декодирования.

В.В. Набоков прямо указывает на знаковую роль заглавия. Ср. реплики одного из персонажей, представленные в разных переводах одного произведения. «Заглавие, – сказала Клэр, – должно задавать тон книге, а не рассказывать сюжет» (пер. А. Горянина и М. Мейлаха) (ИЖСТ1, с. 67); «Название книги, – сказала Клэр, – должно передавать ее колорит (букв. цвет. – Г.М.), а не содержание» (пер. С. Ильина) (ИСЖТ2, с. 82).

Заглавие программирует, определяет координаты того угла, под которым читателю требуется подходить к прочтению, задает тон повествованию и обладал гармонией на ритмико-интонационном уровне, в расстановке слов, «мерцании» значений слов, вплетении аллюзий.

Работ, посвященных исследованию заголовка в творчестве В.В. Набокова, не так уж много. В статье А.И. Ванюкова «Поэтика заглавий в художественном мире В. Набокова-Сирина» в литературоведческом ключе осуществлена попытка сгруппировать заголовки по тематике, выделен «основной круг поэтических тем и мотивов В. Набокова-Сирина: поэт – слово – жизнь – Родина – Бог» [15, с. 55]; описаны такие виды заглавий, как «слова-“оповещения”», «слова-“процессы”», «слова-“сущности”» [15, с. 57]. Исследований, посвященных разбору языковых особенностей заглавия, тону, структуре и гармонии в их репрезентативности через язык, слово, а также семиотике заглавия, нет.

Рассказ «Истребление тиранов», датированный 1936 г., в литературоведении рассматривается как набросок к последующему роману «Под знаком неза-

коннорожденных»¹ (1947), написанному на английском языке, и как наследник романа «Приглашение на казнь»² (1935).

Рассмотрим заглавие рассказа как элемент автосемантический, как иконический знак, который будет расшифрован в тексте, но несет важную *предшествующую* информацию. Для нас принципиально важна мысль Л. Витгенштейна, что всякий языковой знак становится элементом языковой игры лишь в сцеплении с другими знаками, в процессе коммуникации. Языковая игра – это «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [16, с. 90]. Представление о названии как о семиотическом элементе позволяет нам рассматривать заглавие «Истребление тиранов» как знак, имеющий, в соответствии с теорией Ч. Морриса, тройственную сущность: семантику (отношения знаков к их объектам), синтактику (формальное отношение знаков друг к другу) и прагматику (отношение знаков к интерпретаторам) [13]. Сама синтагма *истребление тиранов* исполнена двойной энергетикой, связанной с семантикой и грамматической позицией каждой из единиц.

Название «Истребление тиранов» как иконический знак: семантика. В словаре Д.Н. Ушакова лексеме *истребление* соответствует следующая дефиниция: «действие по гл. истребить истреблять» (Уш., с. 318). Слово отсутствует в других толковых словарях, в том числе и в словаре С.И. Ожегова – причиной тому является возможность толкования через значение глагола, от которого оно образовано. *Истреблять*, в свою очередь, – «уничтожить, погубить» (Ож., с. 222). При определении семантики важны и характеристики языковой единицы как представителя лексико-грамматической группы – лексема *истребление* – существительное: отглагольное, абстрактное. Отвлеченность от производителя действия, характерная для абстрактных существительных, переключает внимание читателя на само действие, а не на его производителя.

В словаре Д.Н. Ушакова *тиран* – «1. В Древней Греции – человек, насильственно захвативший власть... 2. Жестокий правитель, действующий произволом и насилием, деспот... 3. перен. Тот, кто мучит, лишает спокойствия» (Уш., с. 1022). Аналогично в словаре С.И. Ожегова: *тиран* – «жестокий правитель, деспот»; «угнетатель, мучитель» (Ож., с. 693).

Таким образом, на семантическом уровне лексемы *истребление* и *тираны*, входящие в заглавие произведения, имеют общую сему *процесса, процессуальности*, на основе которой они противопоставлены как процессы уничтожения, направленные друг на друга. Несовершенный вид отглагольного существительного *истребление* предполагает возможность разворачивания процесса от нулевой точки отсчета в развитии, тогда как лексема *тиран* включает в себя представление о свершившемся процессе (уже истребил). Следовательно, через семантический анализ заглавия приходим к его двухполюсной структуре, композиции – квинтэссенции последующего текста.

Нам представлены два субъекта, один из которых закончил действие против другого и утвердился в статусе тирана. Другой начинает свое противодействие, желая истребить истребителя. Парадокс, игра заглавия заключается

¹ Набоков В.В. Под знаком незаконнорожденных: Роман. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. – 288 с.

² Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2000. – Т. 4. – С. 5–133.

в необходимости уничтожить того, кто уничтожает. Как только полюс истребления достигнет совершенного вида (тиран истреблен), истребивший сам займет место тирана, который плавно переключается на полюс угнетенного, начинающего свой путь истребления.

Название «Истребление тиранов» как иконический знак: синтактика. Набоковское заглавие перекликается с общеизвестным в то время лозунгом «экспроприация экспроприаторов», основанным на теории прибавочной стоимости К. Маркса³, но звучит «более художественно», понятней и динамичней, лишено «советской политической коннотации».

Отметим, что так же, как в указанном лозунге, в заглавии существительное, обозначающее объект воздействия, употреблено во множественном числе, хотя в тексте речь идет о конкретном субъекте-объекте *тиране*. Форма множественного числа в данном контексте указывает на абстрактность объекта, направляя внимание читателя за пределы набоковского нарратива, указывая, что образ тирана собирательный, и *истребление* направлено «против будущих тиранов, тигроидов, полоумных мучителей человека» (ИТ, с. 405).

Кроме того, следует уделить особое внимание видовой принадлежности глагола-мотиватора для существительного *истребление*. В.В. Виноградов отмечает, что «в отглагольных существительных на *-ние*, не осложненных суффиксами *-ива-*, *-ыва-*, *-ва-*, стираются не только залоговые, но и видовые оттенки значения. Такие слова соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида» [17, с. 105–106]. Действительно, и в толковых словарях для отглагольных существительных с суффиксами *-ние*, *-нье* указывается по два мотивирующих глагола совершенного и несовершенного вида ввиду равноправной возможности образования существительного от любого из двух указанных.

Мы убеждены, что существительное *истребление* (в рамках данного иконического знака) содержит семантику несовершенного вида. Наша позиция имеет под собой следующие основания.

1. Текст рассматривается нами как дискурс в триаде «автор – текст – читатель», где читатель при каждом прочтении, начиная с заголовка, разворачивает свернутый «свиток» текста, то есть момент чтения есть момент разворачивания действия, его совершения «здесь и сейчас». Для каждого отдельно взятого читателя «Истребления тиранов» момент чтения – момент личного переживания «истребления тиранов».

2. Метафизическая основа смысла названия, совпадающая с семантикой символа «инь-ян» (см. об этом ниже), представляет собой идею вечной борьбы двух начал в мироздании, в человеке, которая никогда не заканчивается, а длится, продолжается.

Таким образом, отглагольное существительное *истребление* в контексте (заголовок + последующий текст) рассматривается нами как имеющее определенную и обусловленную текстом семантику видовой принадлежности.

³ Первый том «Капитала» заканчивается утверждением: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». (Маркс К. Капитал. Т. 1 // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1960. Т. 23. С. 773).

Обобщая наблюдения над синтактикой знака, отметим, что заголовок представляет собой словосочетание с видом связи управления, где главное слово – *истребление*, зависимое – *тиранов*. Постановка слова *истребление* в позицию главного с подчинительной связью важна как композиционный прием оформления заглавия – выразителя авторского замысла. Процесс истребления – это начало активности героя, совершающего попытку перевести тирана из субъектной позиции в позицию объекта.

Название «Истребление тиранов» как иконический знак: прагматика. «Истребление тиранов» можно рассматривать как действие, акт, каждый момент которого воспринимается получателем детально, длительно. Но главная особенность этого акта – невозможность прекращения в «порочном круге» человеческого бытия. Победа над тираном превращает победителя в угнетателя, то есть тирана, а тирана – в угнетенного, желающего мстить и т. д.

Метафизический, космогонический смысл этого вечного процесса бытия-небытия отражен в философии Древнего Китая. Символ «инь-ян» как нельзя лучше совпадает в прагматике с заглавием «Истребление тиранов». В энциклопедии символов В.Л. Телицына «инь-ян» определяется как «символ универсального дуализма мира. Буквальный перевод – темная и светлая стороны горы. Изображается как круг, который делится на две части, где темная представляет инь, светлая – ян. Каждая половина имеет внутри себя точку противоположного цвета, чтобы обозначить, что в инь всегда есть зачаток ян, и наоборот» [18, с. 205].

Совпадения означаемого заглавия – иконического знака «Истребление тиранов» и символа «инь-ян» подтверждаются контекстом: «И еще: может быть я не мог бы его убить из гадливости, как иной человек, испытывающий лютое отвращение ко всему ползучему, не в состоянии раздавить червяка на борозде, оттого что это было бы для него так, как если бы он каблуком давил пыльные концы *своих собственных внутренностей* (здесь и далее курсив наш. – Г.М.)» (ИТ, с. 400); «Поутру проснувшись, этак в половине девятого, я силось представить себе его пробуждение – он встает не рано и не поздно, а в средний час, точно так же как чуть ли не официально именуется себя “средним человеком”. В девять я, как и он, удовлетворяюсь стаканом молока и сладкой булочкой, и если в данный день у меня нет занятий в школе, продолжаю погоню за его мыслями» (ИТ, с. 401); «Убивая себя, я убивал его, ибо он весь был во мне, упитанный силой моей ненависти» (ИТ, с. 403). Приведенные выше цитаты из текста подтверждают заложенную в символе «инь-ян» и в заглавии «Истребление тиранов» взаимообусловленность двух полюсов, постоянно вытесняющих друг друга, их взаимопроникновение, а в итоге – бытие единым целым (ср: у Ф.М. Достоевского в «Братьях Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (БК, с. 136)).

Еще один пласт декодирования текста доступен читателю в аллюзивной игре, также проявленной в заглавии рассказа «Истребление тиранов».

Если аллюзия проявляется сквозь прямое цитирование из источника (например, рассказ В.В. Набокова «Адмиралтейская игла» (АИ) отсылает к поэме «Медный всадник» А.С. Пушкина⁴ и образу Петербурга) либо использование

⁴ Пушкин А.С. Медный всадник. – Л.: Наука, 1978. – 293 с.

имен собственных из другого дискурса (например, в рассказе «Василий Шишков» В.В. Набоков использует собственный псевдоним, под которым написан ряд ранних произведений (ВШ)), то она доступна для декодирования читателю изначально. Если же аллюзия, использованная в тексте произведения, отражается в заглавии не прямо, цитацией, а лишь в каком-либо характерном моменте, собственном интертексту, то она сложна для восприятия, раскрывается читателю лишь постфактум, при неоднократном перечитывании произведения и сопоставлении текста и заглавия.

В рассказе «Истребление тиранов» литературная аллюзия вводится через имя собственное героя, ставшее нарицательным: это Гамлет, принц Датский, герой одноименной трагедии В. Шекспира (Гмл.).

Повторение имени *Гамлет* в тексте стилиста В.В. Набокова, внимательного к мелочам, не может быть случайностью.

Монологизирующий герой «Истребления тиранов», готовящий себя к мести, в своей речи заявляет: «Но какие бы объяснения я ни подыскивал своей нерешительности, было бы неразумно скрыть от себя, что я должен его истребить, и что я его истреблю, – о, *Гамлет*, о лунный олух...» (ИТ, с. 398).

Второе упоминание имени *Гамлет* встречается в контексте: «Я вял и толст, как шекспировский *Гамлет*. Что я могу?» (ИТ, с. 400). Аллюзия вводится через сравнение: герой произведения сам себя называет Гамлетом. Таким образом, Гамлет сопоставляется с героем исследуемого рассказа, а одноименная трагедия становится интертекстом,двигающимся параллельно дискурсу «Истребления тиранов» и, минуя все законы математики, вплетается в основной текст, отражается в заглавии.

Сопоставление с Гамлетом основано на мотиве жажды мести и убийства дяди, занявшего престол, иначе говоря, тирана. Гамлет в трагедии предстает как деятель (желание мстить, убивать, разрушать себя и других, разоблачать), то есть на него ложится функция истребления. Именно в этом ключе вводится аллюзия, заставляя прецедентный текст «Гамлета» приобрести дополнительные коннотации в «Истреблении тиранов».

Таким образом, прагматика заглавия «Истребления тиранов» усиливается как прямой пресуппозицией (через аллюзию на «Гамлета»), так и сходством с философемой «инь-ян» (символ «инь-ян»), которые объединены проявляющимся смыслом суеты бытия. Построение заглавия как иконического знака, передаваемое им философское значение тщетности суеты бытия проецируется и на текст «Гамлета» В. Шекспира, выявляя оценку В.В. Набоковым прецедентного текста. Основываясь на этом, можно утверждать, что в названии (как и в тексте в целом) заложена авторская точка зрения на другой текст («Гамлет» В. Шекспира), потому В.В. Набоков выступает здесь не только как писатель, но и как критик и философ.

Символ, который У. Эко рассматривает как «особую текстовую стратегию» [19, с. 178], «подобен листу, исписанному с двух сторон, на котором одна сторона намекает на другую, но они никогда не предстают перед нашими глазами вместе. Если же когда-нибудь кто-нибудь все-таки представит оба эти оборота вместе, освободив их от наслоений дополнительных значений, они потеряют свою двусмысленность» [19, с. 178]. В отличие от символа заглавие «Истреб-

ление тиранов» как иконический знак, копируя текстовые смыслы, вмещает и соединяет их в себе одновременно, но только по прочтении текста.

Заглавие «Истребление тиранов» таит в себе как минимум два смысла, выявленные и описанные нами: прямое значение акта истребления тиранов как основы нарратива рассказа и просвечивающая через ткань повествования аллюзия на «Гамлета», введенная на основании общности, однородности роли героя в тексте и в интертексте. Два эти смысла соединяются автором в одно философское значение, совпадающее с символом «инь-ян»: тщеты акта мести в рамках земного бытия, так как любое действие находит противодействие, и они уравниваются, постоянно перетекая одно в другое. Таким образом, категория игры в дискурсе В.В. Набокова на уровне заглавия рассказа «Истребление тиранов» проявляется в следующем.

1. Взаимодействие семантики двух лексем, образующих заглавие, рождает особый сплав значения, в котором каждая из составляющих заглавия взаимозаменяется (то есть угнетенный в момент завершения акта истребления превращается в тирана, тиран – в угнетенного). Такая замкнутая конструкция, рожденная лишь с помощью языкового материала, весьма необычна и требует внимания ученых-лингвистов, семиотиков. Читателю даются знаки в тексте, подсказки, через которые раскрываются значения заглавия. Автор оставляет право открытия за читателем, «эврика» которого возносит его на новый уровень познания текста, бытия, самого себя.

2. Аллюзия на трагедию «Гамлет», основанная на сопоставлении роли героя «Истребления тиранов» и Гамлета. Прецедентное имя *Гамлет* помогает читателю понять смысл заглавия «Истребление тиранов» через мотив жажды мести. Для В.В. Набокова Гамлет погибает потому, что отмщение тирану превратит его самого в тирана. Смерть Гамлета – желание прервать эти порочные превращения.

3. Иконичность заглавия. Сочетание в заглавии совершающегося во времени (истребление) и уже совершенного (тиран) процессов копирует сюжетное действие произведения, создает икону текстовых значений. Заглавие «Истребление тиранов», рассматриваемое нами как иконический знак, отсылает к другому знаку – к модели-символу «инь-ян», репрезентирующему постоянное перетекание и превращение противоположных действий-актов. Символ как «метка идеальной программы», данный «чувственно-наглядным образом», связует в себе «модель мира» и «модель поведения» [20, с. 239]. Но символом в полном смысле слова мы назвать его не можем, так как он не обладает главной характеристикой символа – конвенциональностью.

Источники

ИТ – *Набоков В.В.* Истребление тиранов // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 384–405.

ИЖСТ1 – *Набоков В.В.* Истинная жизнь Себастьяна Найта (пер. с англ. А. Горянина, М. Мейлаха) // Набоков В.В. Романы / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Долинина. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 15–166.

- ИЖСТ2 – *Набоков В.В.* Истинная жизнь Себастьяна Найта (пер. с англ. С. Ильина) // Набоков В.В. Американский период: Собр. соч.: в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1999. – Т. 1. – С. 27–191.
- АИ – *Набоков В.В.* Адмиралтейская игла // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 411–420.
- ВШ – *Набоков В.В.* Василий Шишков // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 405–411.
- БК – *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: в 4 ч. с эпилогом. – М.: Худож. лит., 1973. – 816 с.
- Гмл. – *Шекспир В.* Гамлет. – М.: Просвещение, 1986. – 224 с.
- Ож. – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
- Уш. – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.

Литература

1. *Чумак-Жунь И.И.* Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.
2. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – XXXIII, 510 с.
3. *Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 36 с.
4. *Арнольд И.В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23–31.
5. *Лукин В.А.* Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.
6. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
7. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
8. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
9. *Веселова Н.А.* Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1998. – 24 с.
10. *Люксембург А.* Английская проза Владимира Набокова // Набоков В.В. Американский период: Собр. соч.: в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1999. – Т. 1. – С. 9–23.
11. *Рахимкулова Г.Ф.* Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: Дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 332 с.
12. *Пирс Ч.* Начала прагматизма. – СПб.: Лаборат. метафиз. исслед. филос. фак-та СПбГУ: Алетейя, 2000. – Т. 2. – 352 с.
13. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Акад. проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
14. *Набоков В.В.* Лекции по зарубежной литературе. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 512 с.
15. *Ванюков А.И.* Поэтика заглавий в художественном мире В. Набокова-Сирина // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2007. – Т. 7, Вып. 2. – С. 53–61.
16. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 75–319.

17. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
18. Символы, знаки, эмблемы / Ред. В.Л. Телицын; авт.-сост.: В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын. – М.: Локид-Пресс: Рипол Классик, 2005. – 495 с.
19. *Эко У.* О литературе: эссе. – М.: АСТ: Corpus, 2016. – 416 с.
20. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 288 с.

Поступила в редакцию
17.04.19

Мальцева Гаяне Юриковна, аспирант, ассистент кафедры русского языка и русской литературы
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: maltseva_g@bsu.edu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)
2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 23–35

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.23-35

Playful Poetics of V.V. Nabokov's Story Title "Tyrants Destroyed"

G. Yu. Maltseva

Belgorod State University, Belgorod, 308015 Russia
E-mail: maltseva_g@bsu.edu.ru

Received April 17, 2019

Abstract

The paper provides a detailed analysis of the features of the title of V.V. Nabokov's story "Tyrants Destroyed" as an example of the iconic sign in the light of the theory of language-game poetics. The study is highly relevant, because it offers a new way to describe the features of the title text based on language game. By considering the title as an iconic sign we focused on its semantic, syntactic, and pragmatic features.

The title of the story under study is as an autosemantic element and an iconic sign that will be deciphered in the text, but carries important prior information.

To describe the peculiarities of the title, we used the theory introduced by Ch. Morris on the triple essence of the sign. According to this theory, the title was considered as an iconic sign: its semantics, syntactics, and pragmatics were described. The semantic and syntactic analysis of the title revealed its bipolar structure, which is generally expressed as "counteraction to action". With the help of the pragmatic analysis, the role of inclusions in the text in the form of multiple repetition of the name Hamlet was determined. Based on the data obtained by the semantic and syntactic analysis, we concluded that the allusion emphasizes the playful nature of the text and refers to the title, which acquires an additional connotation. The introduction of the precedent name Hamlet not only helps to decode the semantic content of the title, but also reveals V.V. Nabokov's critical point of view on another text – the tragedy of "Hamlet" by W. Shakespeare.

Keywords: playful poetics, title, iconic sign, semantics, syntactics, pragmatics

References

1. Chumak-Zhun' I.I. *Poeticheskii tekst v russkom liricheskom diskurse kontsa XVIII – nachala XXI vekov* [Poetic Text in the Russian Lyric Discourse of the Late 18th – Early 21st Centuries]. Belgorod, Izd. BelGU, 2009. 244 p. (In Russian)
2. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax from Scientific Perspective]. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul't., 2001. xxxiii, 510 p. (In Russian)
3. Krzhizhanovskii S.D. *Poetika zaglavii* [Title Poetics]. Moscow, Nikitinskie Subbotniki, 1931. 36 p. (In Russian)
4. Arnol'd I.V. Strong stance value for literary text interpretation. *Inostrannye Yazyki v Shkole*, 1978, no. 4, pp. 23–31. (In Russian)
5. Lukin V.A. *Khudozhestvennyi tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii i elementy analiza* [Literary Text: Basics of Linguistic Theory and Elements of Analysis]. Moscow, Os'-89, 1999. 192 p. (In Russian)
6. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka, 1981. 138 p. (In Russian)
7. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [Literary Text Structure. Poetic Text Analysis]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 704 p. (In Russian)
8. Kristeva Yu. Bakhtin, word, dialogue, novel. In: *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k post-strukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moscow, IG Progress, 2000, pp. 427–457. (In Russian)
9. Veselova N.A. Literary text title: Ontology and poetics. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Tver, 1998. 24 p. (In Russian)
10. Lyuksemburg A. Vladimir Nabokov's English prose. In: *Nabokov V.V. Amerikanskii period* [Nabokov V.V. American Period]. Vol. 1. St. Peterburg, Simpozium, 1999, pp. 9–23. (In Russian)
11. Rakhimkulova G.F. Language game in Vladimir Nabokov's prose: On the problem of playing style. *Doct. Philol. Diss.* Rostov-on-Don, 2004. 332 p. (In Russian)
12. Peirce Ch. *Nachala pragmatizma* [The Basis of Pragmaticism]. Vol. 2. St. Petersburg, Laborat. Metafiz. Issled. Filos. Fak-ta SPbGU, Aleteiya, 2000. 352 p. (In Russian)
13. Morris Ch.W. Foundation of the theory of signs. In: Stepanov Yu.S. *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow, Akad. Proekt; Yekaterinburg, Delovaya Kniga, 2001, pp. 45–97. (In Russian)
14. Nabokov V.V. *Leksii po zarubezhnoi literature* [Lectures on Foreign Literature]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2010. 512 p. (In Russian)
15. Vanyukov A.I. Poetics of titles in V.V. Nabokov-Sirin. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2007, vol. 7, no. 2, pp. 53–61. (In Russian)
16. Wittgenstein L. Philosophical research. In: Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Pt. 1. Moscow, Gnozis, 1994, pp. 75–319. (In Russian)
17. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow, Vyssh. Shk., 1972. 614 p. (In Russian)
18. Telitsyn V.L. (Ed.) *Simvoly, znaki, emblemy* [Symbols, Signs, Emblems]. Moscow, Lokid-Press, Ripol Klassik, 2005. 495 p. (In Russian)
19. Eco U. *O literature: esse* [On Literature: An Essay]. Moscow, AST, Corpus, 2016. 416 p. (In Russian)
20. Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Cultural Linguistics: Value-Semantic Space of the Language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2014. 288 p. (In Russian)

Для цитирования: Мальцева Г.Ю. Особенности игровой поэтики заглавия рассказа «Истребление тиранов» В.В. Набокова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 23–35. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.23-35.

For citation: Maltseva G.Yu. Playful poetics of V.V. Nabokov's story title "Tyrants Destroyed". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 23–35. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.23-35. (In Russian)